

рился по сравнению с предыдущими томами, притом вряд ли за счет молодых ученых. Слов нет, работы К. Маевского и Б. Билиньского написаны на более высоком уровне и с большим блеском, чем это сделали бы начинающие авторы, но будущее польской науки зависит в значительной степени от того, какое количество молодых, воспитанных в духе марксизма специалистов будет участвовать в научной работе.

В-третьих, еще раз о характере отдела *Miscellanea*. Три очень важные и в политическом и в научном отношении статьи (Фреля и Маевского), которые касаются методологии античной археологии, помещены в этом разделе, имеющем в глазах редакции несомненно меньшее значение, чем головной отдел журнала, в то время как значительно более слабые статьи по частным вопросам определяют собой лицо всего тома. Думается, что такое отношение к научно-политическим статьям является в некоторой степени пережитком того «позитивистского направления» в археологии, которое так метко критикует И. Фрель и сам редактор журнала. Ведь указанные статьи в *Miscellanea* затрагивают важнейшие вопросы развития археологической науки в Польше.

Несмотря на все перечисленные недостатки, все же рецензируемый том «Археология» читается очень легко и с большим интересом. Содержание журнала улучшается из номера в номер. Пожелаем авторскому коллективу еще больших успехов в важном деле развития марксистской археологии в строящейся социализм Польше.

Я. А. Ленцман

*THE JOURNAL OF HELLENIC STUDIES за 1945—1950 гг.*¹

JHS — «солидный» английский исторический журнал, посвященный, как видно из его заглавия, изучению эллинского мира. Он принадлежит к числу ведущих периодических изданий по древней истории в капиталистическом мире. Каковы же особенности и качество послевоенной продукции буржуазных ученых-античников, опубликовавших свои исследования на страницах JHS? В рецензируемых шести томах журнала напечатано около 50 больших статей, не считая небольших заметок и кратких рецензий-аннотаций. Две трети статей — формально искусствоведческого и описательно-археологического содержания. В них с большой тщательностью и эрудицией, достойными лучшего применения, описываются различные, чаще всего малозначительные, памятники древности. Авторы как искусствоведческих, так и археологических работ не ставят перед собой задачи решить какую-либо важную историческую проблему, а ограничиваются голым описанием памятника с привлечением некоторых субъективно подобранных аналогий. В лучшем случае их интересует уточнение какого-нибудь спорного факта на материале новооткрытых памятников, вне зависимости от исторической значимости уточняемого факта. Абстрактно, неисторически, подходят к своему предмету и авторы изредка встречающихся в JHS статей по античной философии и литературе. В одной из них, благоговейно восхваляющей «глубины платоновской мудрости», восторженно сообщается, что «некоторые» считают Платона «древнейшим нацистом».

Это «открытие» наряду с другими «перлами», разбросанными в написанных «академическим» стилем статьях, ярко показывает проводимую на страницах JHS фальсификацию истории.

Статей исторического содержания во всех рецензируемых томах не более девяти. В них особенно четко проявляется методологическая беспомощность и субъективизм их авторов. Реакционность, формализм, механическое отождествление прошлого с настоящим, молчаливая предпосылка о неизменности человеческой природы и цикличности об-

¹ Т. т. LXV—LXX, вышедшие в свет в 1947—1950 гг.

щественного развития, произвольность толкований исторических явлений, политическая тенденциозность — таков далеко неполный перечень основного содержания этих статей. Среди них наиболее слабыми и наиболее реакционными являются статьи обобщающего характера. Отдельные удачные толкования археологических памятников буквально тонут в море ни на чем не основанных домыслов, а нередко и прямой фальсификации истории. Содержание JHS, «солидного» буржуазного исторического журнала, ярко иллюстрирует упадок буржуазной исторической науки, несмотря на большую эрудицию и опыт печатающихся на его страницах буржуазных историков. Этот упадок чувствуется буквально в каждой статье рецензируемого журнала, который, как мы увидим ниже, не имеет даже плана распределения статей.

LXV (1945) том JHS¹ открывается статьей G. Murgau'я по вопросу о перспективах изучения эллинизма в Англии (стр. 1—9). По его мнению, «в наше беспокойное время мы никак не можем обойтись без достаточно глубокого знания античности. Даже лица, изучающие политические науки, едва ли смогут понять и объяснить те идеи, которые мы отстаивали в мировой войне, не зная того, что говорили греки о Законе и Свободе».

Реакционная политическая направленность этой программной статьи, несмотря на ее академический тон, сразу бросается в глаза. По мнению Murgau'я, борьбу с фашизмом нельзя понять без изучения идей древних греков. К тому же, очевидно, по его мнению, и корни идей «нацизма» тоже следует искать в античной древности. Здесь не только подмена научного анализа конкретного прошлого идеалистической схемой застывшего или однообразно повторяющегося исторического процесса, преследующая цель при помощи модернизации древности создать видимость «извечности» ряда социальных категорий и прежде всего капитализма. Murgau предлагает целую «программу» фальсификации истории для внешнеакадемического JHS. Эта «программа» фактически проводится на страницах JHS разнообразными способами.

F. R. E a g r, *Some Features in the Style of Aeschylus* (стр. 10—15). Автор характеризует различные вариации «могучего» стиля Эсхила. Его интересует эсхилоский высокопарно цветистый *δύκος*. Если сначала Эсхил применял *δύκος* просто как традиционный прием, то в поздних трагедиях этот стиль направлен на достижение определенных эффектов. Считая, что было бы абсурдным относить Эсхила к реалистам, Eagr все же находит в его творениях и в особенностях стиля реалистические черты. Все исследование ведется, по обыкновению буржуазных исследователей, под углом формалистического, а не исторического анализа. Он произвольно сравнивает Эсхила с Шекспиром, Стерном и др., наконец, сообщает, что Эсхил «не был милитаристом».

E. R. D o d d s, *Plato and the Irrational* (стр. 16—25). В этой статье реакционность журнала выступает особенно ярко. Dodds прямо заявляет, что фальсификация прошлого естественна и неизбежна. Приступая с таких «позиций» к анализу «иррационального» в философии Платона, автор «увязывает» ее с современностью, подчеркивая, что «иррациональное» является «непреодолимым, мощно проявляющимся в наши дни фактором». Платон характеризуется как неисторическая, надклассовая личность, как «мудрец, стремящийся к познанию истины». «Исторический» анализ сводится к утверждению или отрицанию влияния тех или иных идей на Платона. Чисто формальный подход к «достоинствам» древнего философа, подлежащим только благоговейному произвольному комментированию, сопровождается замаскированными реакционными выводами о несовершенстве «толпы», нуждающейся в руководстве в платоновском смысле. По мнению Dodds'a, Платона можно считать «ранним фашистом». Из частных вопросов можно отметить заслуживающую, мягко выражаясь, удивления «полемику» автора с Клементом Александрийским на тему: можно ли в учении Платона о наличии двух душ — доброй и злой — обнаружить первое появление у греков представления о дьяволе?

¹ Вышел из печати в 1947 г.

N. G. L. Hammond, *Naval Operations in the South Channel of Corsica* 435—433 B. C. (стр. 26—37). В статье изучаются детали морской битвы при Сиботских островах. Автор делает оговорку, что это изучение интересно скорее в связи с вопросом о достоверности сведений Фукидида, чем само по себе. Реконструкцию сражения он основывает на убеждении, что повествование Фукидида точно описывает ход сражения. К истолкованию текста Фукидида привлекается материал личных наблюдений автора во время поездок по Эпиру. Вся эта статья представляет собой образец характерного для буржуазных ученых кропотливого формального изучения технической стороны частного события вне связи с более широкими проблемами.

S. P. Kazou, *Vases from Odos Pandrosou* (стр. 38—44). В статье опубликован лекиф, хранящийся в Афинском национальном музее. Автор статьи обнаружил этот лекиф в лавке торговца древностями в Ходос Пандросу в 1943 г. На коричневатосером фоне, образовавшемся от пламени погребального костра, изображен быстро шагающий мужчина в котурнах, закутанный в химатий, брошенный на голову так, что видна только верхняя часть его лица. Автор сравнивает это изображение с картинами на других сосудах и привлекает различные литературные источники для того, чтобы определить, кто же изображен на лекифе. В конце концов он приходит к выводу, что перед нами изображение актера в сцене с Дионисом. Подобным же образом исследуется и другой лекиф с изображением крылатой жевщины в длинной одежде. Литературно-археологический сравнительный анализ не сопровождается никакими обобщениями.

G. M. A. Nafman, *Etruscan reliefs of the Hellenistic Period* (стр. 45—57). В статье изучается, как отражались греко-эллинистические стили на поздних этруских рельефах. Этрусский художник обычно переделывал греческий образец. Его коллеги в той же мастерской копировали новую композицию, а процесс дальнейшего копирования распространялся на несколько поколений. Результатом его были грубые репродукции одного и того же сюжета. Автор сравнивает эллинистические и этрусские произведения искусства в основном по формальному, более или менее близкому сходству в расположении, в телодвижениях и в предполагаемых сюжетах сцен, изваянных на саркофагах и погребальных урнах. Он совершенно отрицает самобытность этрусского искусства, допуская только определенную манеру копирования или переработки эллинистического оригинала. В статье нет и намека на социальный анализ причин греческого влияния.

M. N. Tod, *The Progress of Greek Epigraphy. 1941—1945* (стр. 57—99). Здесь дается подробный перечень публикаций и работ по греческой эпиграфике с 1941 по 1945 г., а также исследований на основе эпиграфических источников. Библиография снабжена краткими аннотациями перечисляемых работ и открытий и состоит из следующих разделов: 1) Общий; 2) Атика; 3) Пелопоннес; 4) Центральная и Северная Греция; 5) Македония, Фракия и Скифия (последней в обзоре отведено только 8 строк); 6) Острова на Эгейском море; 7) Западная Европа; 8) Малая Азия; 9) Сирия и Палестина; 10) Африка.

LXVI (1946) том журнала¹ содержит значительное количество небольших историко-археологических статей.

J. L. Muges, *The Minoan Signary* (стр. 1—4). Автор кратко касается истории изучения минойских линейных шрифтов: раннего, общекритского — А и позднего, дворцового — В. Затем он выделяет в сводную таблицу АВ 69 знаков, общих для обоих шрифтов. Знаки этой таблицы, в свою очередь, типологически распределены на пять групп по их начертанию и предполагаемому происхождению.

P. Dikaios, *Two «Naucratis» Chalices from Marium* (стр. 5—7). Описываются две чаши, найденные во время раскопок на Кипре в восточном некрополе г. Мариум, который существовал до начала V в. до н. э. Обе чаши относятся к «навкратийскому» типу керамики. На первой изображен сфинкс, сидящий на полосе орнамента, а

¹ Вышел из печати в 1948 г.

на второй — только полоса орнамента, тождественная с орнаментом на первой чаше. Внутри сосудов изображены цветы и бутоны лотоса. Далее автор кратко останавливается на вопросе о взаимосвязях между Кипром и Навкратисом, привлекая для этого литературные и археологические источники.

B. Ashmole, *Kalligeneia and Hieros Arotos* (стр. 8—10). В статье описывается аттическая чаша, найденная в раскопках на о. Родосе и подаренная Британскому музею в 1906 г. На ней изображены две грубо выполненные сцены праздника Фесмофорий. Чаша датируется временем до 560 г.

J. D. Beazley, *A Lekythos by the Achilles Painter* (стр. 11—12). Автором изучается погребальный лекиф, уже известный в литературе. Он принадлежит к числу работ Ахилла Афинского и был выполнен им между 440 и 430 гг. до н. э. Лекиф сравнивается с другими работами этого мастера, находящимися в различных музеях. На сосуде изображен молодой обнаженный мужчина, по предположению автора, — покойник, который стоит перед могильным памятником; по другую сторону памятника стоит одетая в легкую одежду молодая женщина с поясом в одной руке и вазой с благоуханиями в другой.

E. S. G. Robinson, *Rhegion, Zankle-Messana and the Samians* (стр. 13—20). Выясняется вопрос об обстоятельствах переименования Занклы в Мессану, так как нумизматические данные во многих случаях противостоят литературной традиции (Геродот, Фукидид и Диодор). Робинсон возражает ранее изучавшему этот вопрос Додду (JHS, XXVIII) и хочет доказать, что монеты, приводимые Доддом, не только не противостоят сведениям литературных источников, но скорее подтверждают их. В приложении описаны монеты VI—V вв. из Регия и Занклы-Мессаны.

J. Allan, *A Tabula Iliaca from Gandhara* (стр. 21—23). Автор изучает рельеф из Гандхары (Индия). На нем изображена в индийской манере выбегающая из двери женщина с поднятыми руками. Справа от нее трое мужчин в греко-римских одеждах находятся возле деревянного коня. Данный рельеф, повидимому, изображает сцену из «Илиады». В кушанский период Троянский цикл в римской интерпретации, был известен в Индии. Рельеф датируется I в. н. э. и отмечается в качестве примера греко-римского влияния в Индии.

T. B. Mitford, *Religious documents from Roman Cyprus* (стр. 24—42). Публикуются фрагменты 16 надписей, вырезанных на пьедесталах статуй, стенах, базах колонн и т. д. Среди них имеется пьедестал статуи Немезиды, вероятно, второй половины I в. н. э. Это древнейшее свидетельство о ее культе на Кипре. Дальше следуют пьедесталы статуй Зевса Лабракия (Кандрия и Фассула), датируемые не ранее чем серединой II в. н. э. Возможно, что этот культ относительно древнего происхождения, так как его финикийской версией был Баал, посвятельная надпись которому от VIII в. до н. э. была найдена в 7 милях от Фассулы. Три каменные основания с надписями, посвященными «высочайшему» богу (Υψίστωι), возможно, семитического или даже, более точно, еврейского происхождения. Интересна грубо сделанная каменная статуя мужчины, сооруженная по обету Опаону Мелантию (Οπάων Μελαντίω). Это был местный бог плодородия; возможно, что его культ был занесен из Аркадии. Статуя относится к раннему императорскому, но, может быть, и к эллинистическому периоду. Опубликована также надпись времени Флавиев в храме местной Афродиты, культ которой восходит к древнейшим кипрским верованиям.

R. M. Dawkins, *A Byzantine carol in honour of St. Basil* (стр. 43—47). В статье приводится греческий текст гимна в честь христианского святого Василия Великого, содержащий рассказ о взаимоотношениях Василия и Юлиана Отступника.

A. H. S. Megaw, *Three Vaulted Basilicas in Cyprus* (стр. 48—56). Статья посвящена вопросу о том, когда были построены на Кипре три древних храма-базилики в Ризокарпасо. Автор датирует их своды временем после византийской реконкисты.

E. H. Minns, *Greek and latin names in Russian dress* (стр. 57—60). Автор рассуждает о том, как передаются античные имена в новых языках. Обращаясь к истории русского правописания, начиная с «кириллицы», он произвольно «находит», что в рус-

ской интерпретации античные названия более искажены, чем в западноевропейских языках. Одной из причин он считает «несовершенство» (?) русской азбуки. Об идейных источниках положений Минна свидетельствует хотя бы то, что он почти игнорирует современное русское правописание. Эта антинаучная статья вызывает возмущение. Еще несколько лет назад Минна более или менее объективно писал о советской науке. Очевидно, теперь это ему «не дозволено» в оккупированной американскими империалистами Англии.

W. H. Buckler, *A Tour in Cyprus*, 1934 (стр. 61—65). В статье описывается поездка автора на Кипр. Рассказ о древностях дан попутно с впечатлениями от современных «достопримечательностей», например, от отеля «Отелло» и т. п.

R. M. Cook, *Ionian and Greece in the eighth and seventh centuries B. C.* (стр. 67—98). Это — самая крупная статья в данном томе JHS. Отметив, что ученые были склонны находить в азиатской Греции основные источники эллинской культуры и искусства, автор пытается проверить справедливость утверждения о том, что Иония была в VII в. «школой юной Эллады». Он отмечает недостаток литературных и археологических источников для VIII—VII вв. до н. э. и спорность многих данных, сохранившихся от достаточно освещенного VI в. Анализ различных, преимущественно литературных источников приводит автора к выводу, что их противоречивые сведения малонадежны. Свои рассуждения он подкрепляет цитатами из Геродота, согласно которому ионийцы VII в. не отличались ничем значительным, и Фукидида, отмечавшего значение Ионии лишь с середины VI в., но считавшего, что в предшествующем столетии передовую роль играли города европейской Греции. Далее автор подробно останавливается на греческой колонизации. Он признает наличие большого количества ионийских колоний, но считает, что в большинстве случаев это были небольшие поселения, причем восточные колонии были меньше западных. Колонизация из самой Ионии уступала колонизации из собственно Греции. Переходя к вопросу о торговле, автор отмечает трудности ее исследования в связи со скудостью источников. Свое изучение он основывает главным образом на данных керамики и приходит к выводу о более раннем развитии торговли в европейской Греции, чем в Ионии. Также в политическом и экономическом развитии Иония не стояла на первом месте. Упоминание в источниках о карийских и ионийских наемниках свидетельствует о том, что сельское хозяйство, промышленность и торговля в Ионии не поглощали активности большей части населения. Таким образом, Кук в стремлении преувеличить отсталость Ионии, использует даже данные о наемничестве, которое на самом деле являлось результатом социального расслоения ранне-греческого общества. Если в литературе и философии Иония имела приоритет, то в области искусства она сильно отставала от европейской Греции. Но в VIII и VI вв. до н. э. было больше художников, чем поэтов, и поэтому искусство, а не философия и литература, являлось показателем культуры. В области же искусства Греция развивалась самостоятельно, без влияния Ионии. Ионийская цивилизация имела восточный оттенок, но то восточное, что имеется в греческой культуре, нельзя объяснить влиянием Ионии. Таким образом, Кук последовательно пытается обосновать реакционную мысль о «неполноценности» восточной, азиатской Ионии по сравнению с западной, европейской Грецией; в этом основном тезисе Кука ясно видно влияние немецко-фашистской историографии. В ряде случаев он противопоставляет Ионию Греции как совершенно разные страны.

A. W. Lawrence, *Archimedes and the design of Euryalus fort* (стр. 99—107). Статья посвящена доказательству того, что старый сиракузский форт Евриал был модернизирован Архимедом — «главным военным инженером или ученым консультантом своего родного города перед и во время осады его римлянами». Lawrence считает, что эта деятельность Архимеда — пример для современных ученых в деле плодотворного сотрудничества с военными по планированию методов и средств ведения войны. Автор полностью одобряет участие ученых в подготовке войны. Патристическая деятельность Архимеда, применившего свои знания для защиты родного города, фальсификаторски «обобщается» как абстрактный пример «плодотворного

сотрудничества науки с войной еще в далеком прошлом. Таковы «научные обобщения» на страницах JHS.

J. M. S o o k, *Archaeology in Greece, 1945—1947 гг.* (стр. 108—121). Автор дает обзор раскопок и публикаций памятников, найденных в континентальной Греции и на островах, в том числе на Крите и Кипре.

Том LXVII (1947), JHS¹ открывается статьей J. D. B e a z l e y, *The Rosi Krater* (стр. 1—9), в которой изучается рисунок на древнегреческом краснофигурном кратере, принадлежавшем в XIX в. римскому торговцу Розе. Рисунок можно интерпретировать как сцену из мифа о Персее и Андромеде или же как сцену прибытия Афины для дарования бессмертия Тидею, герою одного из мифов фиванского цикла.

A. R u m p f, *Classical and post-classical Greek Painting* (стр. 10—21). По мнению автора, греки были первым народом, открывшим живопись в современном смысле слова. Так же как в известном смысле с Джотто начинается живопись эпохи Возрождения, так же и с Полигнота начинается классическая античная живопись, достигшая зрелости после того, как в конце V в., согласно Плинию, художник Аполлодор изобрел искусство передавать свет и тени. Автор жалеет, что от древнегреческой живописи сохранилось мало памятников, так как она, по его мнению, гораздо «ближе к нам», чем это может показаться с первого взгляда. Статья содержит значительный фактический материал, но построена формально-описательно. Греческую живопись автор изучает как некий внеисторический абсолют, стремясь сблизить ее с живописью средних веков и нового времени. С этой целью он подчеркивает сходство некоторых художественно-технических приемов в античности с приемами более позднего времени. Существование «подлинной» живописи в странах древнего Востока он высокомерно отрицает.

C. S e l t m a n, *Two Athenian marble thrones* (стр. 22—30). Здесь описываются два мраморных кресла из Афин. Путем кропотливого формально-исторического анализа автор приходит к выводу, что один «трон» был предназначен Деметрию Полиоркету, прибывшему в 290 г. до н. э. в Афины. Другой «трон», вероятно, был сиденьем судьи на играх в честь римских императоров. Этот «трон» мог быть изготовлен при Адриане или в самом начале империи.

R. J. H. J e n k i n s, *The bronze Athena at Byzantium* (стр. 31—33). Автор изучает бронзовую статую Афины, стоявшую на форуме Константина в Константинополе и разрушенную в 1203 г. н. э. Для анализа статуи привлекаются изображения Афины Промакос на аттических монетах и светильниках.

J. M. S o o k, *Archaeology in Greece, 1947—1948* (стр. 34—45). Малую активность археологов автор объясняет наличием в большей части Греции «банд мятежников». Так Кук клеветнически называет отряды демократической армии Греции, героически сражавшиеся против греческого фашистского правительства и американских агрессоров. Но далее оказывается, что причиной малой активности в области археологии явилась прежде всего финансовая политика греческого правительства, израсходовавшего средства, выжатые из народных масс, для борьбы против трудящихся.

V. E h r e n b e r g, *Polypragmosyne: a Study in Greek Politics* (стр. 46—67). В этой большой статье делается попытка охарактеризовать один из аспектов политической жизни в Греции V—IV вв. до н. э. Автор анализирует политическую и этическую терминологию греческих писателей того времени. В центре внимания находятся термины *полупрагмосу́νη* и его противоположность *ἀπραγμοσύνη*; в последней главе изучается термин *πῶρος*. Два первых слова, по мнению автора, — типичные абстрактные понятия V в. до н. э., характеризующие человеческие качества не с идейной, а с психологической стороны. Последнюю Эренберг считает главным импульсом человеческой деятельности. *Полупрагмосу́νη* переводится Эренбергом как *busybody*; он замечает, что это тип малосимпатичный, но глубоко присущий английской жизни. Эренберг считает, что *полупрагмосу́νη* была «психологической

¹ Вышел из печати в 1949 г.

основой афинского империализма», являвшегося проявлением беспокойно-деятельного афинского характера. Но, по мнению Эренберга, объяснение «империализма» только как результата *πολυπραγμοσύνη* поверхностно; суть дела в том, что «империализм» является необходимым следствием развития любого государства с того момента, когда оно «становится слишком большим, чтобы действовать в пределах своих границ», а малым государствам просто «выгодно» терять политическую независимость путем вхождения в состав большой «империи». Но, как заявляет Эренберг, афинской «радикальной демократии» не хватало четкости, целеустремленности. Демократия явно его не удовлетворяет. В заключение автор анализирует понятие *πῦρος*, характеризуя им личность Александра Македонского. Так Эренберг намечает путь развития от беспокойной деятельности афинской *πολυπραγμοσύνη* к «целеустремленному чуду» *πῦρος*а Александра, «гения», корни к оторого иррациональны, который «был больше чем завоевателем. Он был творцом и руководителем империи». «Я верю, что мы должны делать то же самое, думая об Александре!», патетически восклицает автор, завершая свою откровенно фашистскую статью о «естественной и психологической» потребности завоеваний крупными странами своих соседей о том, что меньшим странам «выгодно» терять свою независимость, статью, воспевающую агрессию и возущую империалистов «к мировой империи», статью, написанную явно на потребу американских империалистов.

D. W. S. Hunt, *Feudal survivals in Ionia* (стр. 68—76). На основании надписей SIG, 3064, 3081; BCH, IV, стр. 174, № 34 и других источников исследуется термин *πύργος*. Автор статьи переводит его словом «манор». На Теосе и в других районах Ионии земля была разделена на большие поместья, принадлежавшие аристократии — *πύργοι*. Этим термином обозначались впоследствии укрепленные населенные пункты и города; к этому корню восходит название Пергама и немецкое Burg. Автор пытается доказать прочность «феодализма», а затем его пережитков в Ионии. Причиной этого было будто бы то, что ионийские полисы управлялись преимущественно олигархиями, а их главной военной силой являлась кавалерия, возникшая из свиты феодальных лордов, владевших манорами в речных долинах Ионии. Кавалерия и олигархия, по мнению автора, всегда были тесно связаны с феодализмом, от Гомера до Рима. Произвольность построений автора, вообще характерная для буржуазных историков, особенно ощущается в этой статье на примере псевдонаучных рассуждений о прочности феодализма в Ионии ввиду «наличия кавалерии».

G. T. Griffith, *Alexander's Generalship at Gaugamela* (стр. 77—89). В статье предлагается попытка реконструкции хода битвы при Гавгамеле на основании рассказа Арриана. Автор подчеркивает наличие лакун в рассказе Арриана, который пропустил ход боя на крайнем правом фланге армии Александра, хотя, по его же собственному изложению, видно, что там должно было что-то произойти и это «что-то» принесло бы Александру катастрофу, если бы он не предупредил мероприятий противника поворотом конницы гетеров». В заключение автор подчеркивает трудности битвы при Гавгамеле и считает, что она была выиграна только благодаря гению Александра, абстрагированная «сильная личность» которого, «могущая покорять», является предметом любования буржуазного ученого.

M. N. Tod, *The Progress of Greek Epigraphy, 1945—1947* (стр. 90—127). Здесь дан подробный перечень работ по эпиграфике за указанный период. Исследования советских ученых почти игнорируются.

В LXVIII (1948) томе JHS¹ первой напечатана статья R. D. Barnett, *Early greek and oriental Ivories* (стр. 1—25), в которой изучаются источники и пути восточных влияний на древнегреческие изделия из слоновой кости. В тексте и на 12 отдельных таблицах опубликовано около 100 фотографий памятников искусства и ремесла. Изделия из слоновой кости были широко распространены еще в Микенскую эпоху. Их

¹ Вышел из печати в 1949 г.

находят от Мегиддо и Рас-Шамры через Кипр и Родос до Делоса, Микен и Атики. Этим путем передвигались странствующие резчики по слоновой кости по крайней мере до VI в. до н. э. Древнегреческие изделия показывают разные степени восточного влияния. Особенно гребни и зеркала сохраняют чисто восточную форму. Автор предполагает, что существовал замкнутый цех резчиков по слоновой кости, передававших тайны своего мастерства по наследству. Для обоснования этого взгляда он пытается произвольно истолковать одну фразу Плутарха в биографии Перикла (XII). Молчание всех других источников по этому вопросу автор объясняет тем, что писатели классической эпохи не интересовались столь вульгарными темами. Как известно, это не соответствует действительности, так как ремесленники представлены в греческой литературе, в частности в классической комедии. За неимением данных о существовании цехов в то время он, совершенно пренебрегая исторической перспективой, ссылается на наличие цехов в этой отрасли ремесла в Поздней Римской империи и в Средние века. Автор придает исключительное значение только ближневосточным центрам обработки слоновой кости, забывая, что древняя Индия была неисчерпаемым источником слоновой кости и центром [производства соответствующих изделий. Обычное для буржуазных историков принижение стран Востока проявляется и в этой статье. Вынужденный признать развитие резьбы по слоновой кости на Ближнем Востоке, автор принижает значение этого ремесла в Индии и совсем игнорирует Китай. Так, предвзятая концепция, связанная с реакционной политикой западноевропейских колонизаторов, отразилась на подборе источников и на выводах этой содержательной по приводимому материалу статье.

J. D. Beazley, *Death of Hipparchos* (стр. 26—28). Описывается найденный близ Гелы фрагмент большого аттического сосуда с изображением убийства Гиппарха. Впервые он был описан в 1900 г. (в тексте имеется очень нечеткая фотография). Бизли отмечает, что изображения тираноубийц на вазах можно датировать двумя периодами: ранним (первая половина V в.) и поздним (конец V и начало IV в.). Из четырех ваз раннего периода две найдены на Сицилии: в Агригенте и близ Гелы. Автор ставит вопрос, нельзя ли объяснить факт находки в этом районе остатков двух аттических vaz с изображением убийства Гиппарха местными событиями, связанными с борьбой аристократических родов Эмменидов и Деиноменидов.

J. H. Jongkees, *New statues by Bryaxis* (стр. 29—39). В статье исследуется вопрос о наследии известного скульптора Бриаксиса, который, совместно со своими старшими современниками Скопасом, Тимофеем и Леохаром, изваял ряд скульптур на гробнице Мавсола Галикарнасского. Автор перечисляет несколько известных ему статуй и скульптурных фрагментов. Привлекаются также немногочисленные литературные данные о Бриаксисе. В результате автор статьи реконструирует, как он выражается, «карьеру» Бриаксиса. Никакой социальной характеристики и качественной оценки творчества Бриаксиса автор статьи не дает, ограничиваясь целью выявления остатков наследия знаменитого скульптора и его «карьеры».

G. E. Bean, *Notes and Inscriptions from Lycia* (стр. 40—58). Статья содержит обзор и публикации новых материалов, собранных автором во [время посещения долины Ксанфа в 1946 г. Описываются и комментируются различные археологические остатки нескольких небольших] ликийских городов и населенных пунктов. Приводится текст 16 надписей. Все они кратки и фрагментарны, за исключением большой надписи II в. до н. э., содержащей постановление народного собрания города Араксы, свидетельствующее о большой степени независимости этого незначительного члена Лкийского союза.

T. J. Dunbabin, *The early History of Corinth* (стр. 59—69). Автор начинает археологический обзор с неолита и ранне-элладского периода. По данным традиции и археологии, можно считать, что Коринф был основан около 900 г. до н. э. В VIII в. геометрическая коринфская керамика появляется в Италии и на Востоке. Появление протокоринфского стиля совпадает с колонизацией Керкиры и Сиракуз и с проникновением греческого влияния в Этрурию. Одновременно протокоринфская керамика появляется на Кикладах, Родосе и далее на востоке — в Се-

верной Сирии, Урарту и Ассирии. По последнему пути в Грецию шли восточные влияния, которые ощущались особенно сильно в Коринфе. В конце статьи приводится синхронистическая таблица 13 периодов развития коринфской керамики с X в. до н. э. до 550 г. до н. э. в сравнении с соответствующими периодами развития аттической керамики. Автор склонен идеализировать архаический Коринф. Показателен его взгляд на профессию историка, высказанный им в связи с оценкой коринфского поэта VIII в. до н. э. Евмела. Dunbabin заявляет, что Евмелю можно характеризовать как предшественника древнегреческих историков, так как он первый фальсифицировал мифы и легенды в интересах Коринфа. Характеристика историков как фальсификаторов, в первую очередь должна быть отнесена по адресу самого Dunbabin'a и его коллег — современных буржуазных историков и, в частности, их органа JHS.

T. J. Cadoux, *The Athenian Archons from Kreon to Hysichides* (стр. 70—123). В статье делается попытка реконструкции списка афинских годовичных архонтов. В историографическом экскурсе перечислены работы Dinsmoor'a, Pritchett'a и Meritt'a. В примечаниях упомянуты и другие имена. Однако автор, по обыкновению большинства буржуазных ученых, умалчивает о работе русского ученого А. Щукарева, классический труд которого «Исследования в области каталога афинских архонтов III в. до Р. Х. (300—265 гг. до Р. Х.)» был издан еще в 1899 г. А ведь во введении автор пишет не только о той части списка, которой он специально занимается, но обо всем списке архонтов до 101/0 г. до н. э. Особое внимание Cadoux привлекает первый период архонтата с начала существования годовичного архонтата до 481/0 г. до н. э.

A. Wilhelm, *Notes on the second decree of Kallias* (стр. 124—129). Небольшая статья посвящена вопросам реставрации текста второго декрета Каллия (*Hesperia*, XVI, стр. 283 сл.), связанного со строительными работами на Акрополе, производившимися во времена Перикла. Автор предлагает свои варианты восполнения лакун и чтения декрета.

R. P. Winnington-Ingram, *Clytemnestra and the vote of Athena* (стр. 130—147). Статья построена на психологическом анализе содержания и образов действующих лиц «Орестей» Эсхила. Автора интересует, однако, не столько историческая сторона, сколько психологический анализ образа Клитемнестры. Статья начинается справкой о том, что Эсхила всегда интересовали отношения между полами. Обильно цитируя и разбирая текст трилогии, автор приходит к заключению, что Клитемнестра выражает протест против униженного положения женщины в браке. Все характеры в трагедиях рассматриваются абстрактно; семья, в ее буржуазной форме, представляется вечной категорией. В своих рассуждениях автор исходит из антинаучных, реакционных предпосылок о неизменности человеческой природы и об организующей, надклассовой роли Афинского государства, которую он усматривает в решениях оплота афинской реакции — ареопага. Как показатель разложения буржуазной морали, стоит отметить, что автор пытается оправдать, а иногда даже одобряет такие явления, как убийство Клитемнестрой своего мужа и Медеей своих детей.

Том LXIX (1949) вышел из печати двойным номером вместе с томом LXX (1950) в 1950 г. Том LXIX открывается статьей J. D. Beazley, *The World of the etruscan mirror* (стр. 1—17). В статье изучаются рисунки, выгравированные на оборотной стороне этруских бронзовых ручных зеркал. Автор упоминает о важнейших публикациях около 1500 находок. Выгравированные рисунки (туалетные, эротические и мифологические сцены) чрезвычайно разнообразны по сюжетам, стилю и качеству исполнения. В работе Бизли описан и систематизирован по формальным признакам большой фактический материал. Надписи на зеркалах являются пособием для изучения этрусского языка. Греческие имена в этруских версиях помогают изучать характер этого языка. Древнейшие этруские гравированные зеркала относятся к VI в., более поздние — к III в. до н. э.

A. D. Uge, *Boeotian Halos* (стр. 18—24). Здесь изучаются изображения на нескольких небольших сосудах из Беотии. На одном килике и на пиксиде изображен Геракл, на другом килике — розовый бутон среди ветвей. Автор датирует сосуды

второй половиной V в. до н. э. и считает, что эти сосуды имеют отношение к культу Деметры, отправлявшемуся в городе Микалессе, о чем упоминает Павсаний. Поэтому рисунки на сосудах изображают не общеизвестного мифического героя, а одного из идейских дактилей — Геракла, связанного с местным народным культом Деметры и Диониса.

L. H. Jeffery, *Comments on some archaic greek inscriptions* (стр. 25—38). Статья является собранием комментариев к нескольким фрагментарным архаическим надписям. Все они уже были опубликованы, за исключением четырех критских надписей, открытых в 1947 г. Подробно исследована краткая посвятельная лакедонская надпись на базе статуи Зевса в Олимпии. По содержанию надпись аналогична тексту, приведенному Павсанием (V, 24, 3), в связи с сообщением об окончании 2-й Мессенской войны. Автор статьи связывает комментируемую им надпись с известиями Платона, Страбона и Павсания о восстании илотов в начале V в. до н. э., предшествовавшем 3-й Мессенской войне. Палеографические особенности заставляют отнести изучаемую надпись к концу VI или к первому десятилетию V вв.; следовательно, она может быть использована как эпиграфическое подтверждение известия Платона о восстании илотов в 490 г. до н. э. Другая фрагментарная надпись из Сириса (в Южной Италии) дает сведения об этническом составе его основателей. Впервые опубликованы небольшие фрагменты законов конца VI — начала V в. до н. э., найденных в 1947 г. на Крите. Заслуживает внимания стремление автора осветить при помощи надписей отдельные неясные вопросы древнегреческой истории.

N. M. Holley, *The floating Chest* (стр. 39—47). Статья посвящена истолкованию содержания известного восточного и древнегреческого мифологического сюжета о чудесном спасении новорожденного героя, заключенного в деревянный ящик и брошенного в море (мифы о Персее, Телефе и др.). Автор усматривает восточные корни этих мифов в сельскохозяйственных религиозных ритуалах, связанных со священным браком богини-матери и рождением «юного бога», что обеспечивало плодородие почвы. Автор статьи не скрывает своих реакционных, расистских взглядов. «Проанализировав» мифы, он приходит к «выводу», что в них «много дикого». Однако все «дикое» априорно считается не греческого, а восточного происхождения. Интересно отметить «актуализированное» отношение автора к Турции. Имя древнего переднеазиатского божества — Таммуза совершенно произвольно объявляется турецким, и, таким образом, поддерживается реакционная, противоречащая всем историческим источникам, теория турецких буржуазных националистов об автохтонности турок в Малой Азии.

S. Weinstock, *Lunar Mansions and early Calendars* (стр. 48—69). Автор изучает вопрос о происхождении и характере древнейших лунных календарей, а также о более поздней системе знаков зодиака в солнечном календаре. Статья состоит из двух частей: 1) «Календарная традиция» и 2) «Лунный зодиак». Выводы основаны главным образом на анализе двух источников: позднего греческого текста из кодекса Cromwellianus, опубликованного в *Catal. codd. astrol. graec.* IX, 1, и Магического папируса Британского музея № 121, относящегося к IV в. н. э.

Том LXX открывается статьей J. M. Cook, *Archaeology in Greece. 1948—1949*. (стр. 1—15), представляющей продолжение обычных обзоров данного автора. Реакционный обозреватель сообщает, что «в 1949 г. наступило значительное улучшение условий в Греции. Пелопоннес и Центральная Греция были полностью очищены (от борцов за свободу Греции — „бандитов“ по терминологии Cook'a; см. стр. 130 настоящего обзора.—H. П.), и археологические места на севере теперь стали доступными для посетителей; раскопки были возобновлены Археологическим обществом и иностранными школами». Раскопки производились в Афинах и Аттике, в Пелопоннесе, в Центральной и Северной Греции, на ряде островов. Кроме того, раскопки велись в районе Смирны и на Кипре. Автор статьи «забыл» упомянуть о финансово-политике греческого правительства, которое тратило средства на репрессии против трудящихся, а не на раскопки, о чем он сам обмолвился в обзоре, помещенном в LXVII томе JHS.

S. Benton, *The Dating of Horses on Stands and Spectacle Fibulae in Greece* (стр.

16—22). Небольшая статья посвящена вопросам уточнения датировки и классификации архаических трепожных котлов с ручками в виде лошадей.

M. Robertson, *Origins of the Berlin Painter* (стр. 23—34). Искусствоведческо-археологическая статья посвящена древнегреческой вазовой живописи, преимущественно конца VI в. до н. э. Главным объектом изучения является краснофигурный кратер из Кембриджского музея этнологии и археологии. Бизли отнес этот кратер к числу ранних работ так называемого Берлинского мастера.

E. M. Hooker, *The Sanctuary and Altar of Chryse in Attic red-figure vase-paintings of the late fifth and early fourth centuries B. C.* (стр. 35—41). В статье изучаются изображения на краснофигурных аттических вазах, воспроизводящие древний алтарь в Хризе. Из изучаемых автором пяти ваз и фрагментов два памятника хранятся в Гос. Эрмитаже.

N. G. L. Hammond, *The Lyscurgean Reform at Sparta* (стр. 42—64). Автор выступает против предложенной в 1918 г. Виламовиц-Меллендорфом поздней датировки Ликурговой реформы. На основании литературной традиции и археологических материалов автор утверждает, что датировать реформу можно только периодом от конца X до конца IX в. В первой части статьи собраны и проанализированы источники, во второй части предложены обобщения и выводы. Автор считает древнюю традицию достаточно достоверной и приписывает реформу одному человеку, который, вероятно, назывался Ликургом. Реформа была проведена по критскому образцу, причем реформатор консультировался с Дельфийским оракулом. Происходившая после дорийского нашествия и завоевания Лаконии борьба и беспорядки закончились Ликурговой Ретрой — «хартией нового порядка в Спарте». Возникло «племенное государство», обозначенное термином *ἑνοικήα*. В этом отношении Ликургову реформу можно сравнить с реформой Тесея в Афинах. Политическая реформа была укреплена реформой социальной системы. Внутри привилегированного класса спартиатов был установлен «новый базис равенства». В этом равенстве, а не в воинской доблести, которая из него развилась позднее, Ликург нашел и лекарство от мятежей, и гарантию стабильности, которая сделала Спарту уникалом для последующих веков. Hammond подчеркивает, что главное значение реформы Ликурга состояло в создании «высокоморальной системы воспитания». Таким образом, он в полном соответствии с понятиями «гуманности» и «морали» современных агрессоров безудержно идеализирует Ликургову Спарту и объясняет общеизвестные отрицательные черты ее строя тем, что они относятся уже к периоду разложения идеального ликургова общества, расцвет которого он относит к периоду между 700 и 550 гг. до н. э. С этой целью автору понадобилось некритически следовать противоречивым данным древнегреческой традиции, а затем при помощи произвольного толкования новооткрытых археологических памятников идеализировать примитивное общество архаической Греции вообще.

Спарта умиляет современного буржуазного историка как область, сумевшая ряд столетий быть опорой реакции в древней Греции и осуществлять жестокую эксплуатацию массы завоеванного населения небольшой, получившей «специальное воспитание» воензированной группой туенядцев-завоевателей.

M. Meldrum, *Plato and the 'Архὴ κακῶν'* (стр. 65—74). Исходя из молчаливой предпосылки о том, что Платона можно только «изучать» и перед ним благоговейно преклоняться, автор статьи старается разобраться в мистических взглядах Платона на добро и зло. Он формалистически комментирует главным образом содержание диалога «Тимей» и X книги «Законов»; в частности, исследует учение Платона о Разуме и о Доброй и Злой Душе. Эта псевдонаучная статья использует «архивздорную мистику идей» (В. И. Ленин) для того, чтобы «показать» на сомнительном примере платоновской «мудрости», что борьба со «злом» невозможна.

Теперь можно подвести конкретные итоги «научной продукции» «академического» английского ежегодника по истории древней Греции. Как мы видели выше, подавляющее большинство статей посвящено изучению отдельных, имеющих лишь частное значение фактов и событий, как правило, совершенно не связанных с социально-экономической историей. Редакция JHS пытается придать ежегоднику внешне объективист-

ский, аполитичный вид. Но, разумеется, речь идет только о внешнем виде, который должен несколько замаскировать реакционное содержание журнала. Среди массы чисто описательных статей, крохоборчески смакующих какой-нибудь фрагмент сосуда, то тут, то там помещены статьи, в которых ясно видна реакционность буржуазной историографии; и одни и другие статьи свидетельствуют о тупике буржуазной науки. Статьи археолого-искусствоведческого характера ярко отражают бесперспективность представителей буржуазной историографии, растрачивающих свою эрудицию на второстепеннейшие задачи, и показывают поражающую узость интересов буржуазных «эрудитов». Стремление уйти от разрешения крупных исторических проблем и попытка направить историографию по ложному, формально описательному пути — такова реакционная сущность этих внешне аполитичных статей.

Статьи по истории культуры и общеисторические статьи, написанные тоже в присущей JHS академической манере, более открыто служат реакционным целям современных империалистов. Как мы видели, в ряде статей «иррациональное», «бессознательное» принимается как основной фактор общественной жизни: проповедуется «неизменность человеческой природы» с ее «неизменной психологией». Фашизм «обнаруживается» еще у Платона, а сам Платон объявляется непревзойденным по глубине своих идей «вечным» идеалом мудреца. Восхваляются античные примеры «плодотворного сотрудничества» науки с войной. Прославляется «империализм» древних Афин и в особенности — Александра Македонского. На «примерах древности» проводится пропаганда «естественности» агрессии со стороны большого по размерам государства и «выгодности» для малого государства быть завоеванным большим хищником. Наконец, заявляется, что «зло» присуще «человеческой природе» и поэтому неискоренимо. Все свои черные дела и намерения современные империалисты пытаются оправдать, между прочим, ссылками на древность и на извечные свойства «человеческой природы».

За последние годы особенно усилились неприкрытые расистские тенденции, проявляющиеся в превознесении эллинизма и противопоставлении его ближневосточным народам, в игнорировании культуры народов Среднего Востока и т. д. Встречаются в JHS и открыто реакционные выпады, как, например, обзывание «бандитами» героических греческих партизан, не щадивших жизни для защиты своей родины от гитлеровского, а затем англо-американского ига, выпады против русской культуры в статье Миннза. Нечего и говорить о том, что журнал игнорирует существование советской исторической науки. Авторы JHS как будто не замечают существования анличных государств в Северном и Западном Причерноморье.

Проводимая в качестве аксиомы модернизация древней истории имеет целью создать видимость извечности феодализма и как «венца общественного развития» — капитализма. Так, подобно своим американским собратьям, и английские буржуазные историки пытаются внести свою «лепту» в безнадежное дело спасения капитализма.

Н. Н. Пикус

M. HAMMOND. City-State and World State in greek and roman political theory until Augustus. Harvard University Press, 1951, 217 стр.

Среди вышедших за последнее время в США работ, так или иначе связанных с древней историей, книга «Город-государство и мировое государство в греческой и римской политической теории вплоть до времени Августа», автор которой известен трудом о принцепате Августа, привлекает внимание уже названием, напоминающим о лозунге современных реакционных американских политиков — «мировом государстве» (world-state). Содержание книги убеждает в том, что впечатление, возникающее при первом знакомстве с названием работы Хаммонда, не случайно и что вся книга,